

Проснувшись под покровом ночи, Фэн Мин открыл глаза: за окном вдалеке небосклон был озарён разноцветными огнями фейерверка, смутно доносившиеся звуки семиструнного циня вместе с песнями давали понять, что праздник урожая и подношения даров по-прежнему в самом разгаре. До этого массиравшая ноги юноши Цю Юэ ускользнула неизвестно куда, оставив в комнате одну лишь Цю Лань, которая, как и прежде, спокойно спала у изголовья кровати.

Фэн Мин опустил голову и посмотрел на девушку, рука не поднималась разбудить её, поэтому юноша, тихонько отбросив одеяло, встал с постели, взял лёгкую одежду, крадучись подошёл к Цю Лань и уже хотел было прикрыть девушку, как та проснулась и слегка пошевелилась. Ахнув, служанка выпрямилась. Потирая глаза, Цю Лань обернулась и спросила:

— Князь Мин уже проснулся?

Фэн Мин улыбнулся:

— Если устала, то тогда иди спать.

— Поспала немного, и уже нет усталости. — Цю Лань встала и посмотрела по сторонам: — Цю Юэ, эта ленивая девчонка, наверняка опять куда-то убежала развлекаться. Я пойду на кухню и посмотрю, нет ли чего готового на ужин. Сегодня князь Мин с самого утра до полудня пробыл на ногах, вечером пораньше ляжет спать? — Взглянув на лицо Фэн Мина, девушка, похоже, поняла и с улыбкой объяснила: — Праздник урожая и церемония подношения являются важными событиями для Силэй. Поскольку государь хочет повеселиться вместе с народом, а также наградить всех министров, то, может быть, он будет бодрствовать всю ночь.

Фэн Мину стало немного неловко, и, притворившись, он прямо сказал:

— Какое это ко мне имеет отношение? Сегодня я действительно очень устал, после ужина я сразу же лягу спать.

Только слова стихли, как юноша услышал, как кто-то, войдя в переднюю комнату, поприветствовал:

— Ах, государь вернулся.

Глаза Фэн Мина засверкали. Не сказав и двух слов [1], словно смерч, юноша развернулся и, выскочив из комнаты, крикнул:

— Почему ты сейчас верну... — Выбежав в переднюю комнату, Фэн Мин резко остановился. Вместо тени Жун Тяня там оказался Ле-эр, который, прикрывая ладонью рот, смотрел на князя Мина и смеялся без остановки.

Фэн Мину стало крайне неловко. Свирепо взглянув на Ле-эра, юноша не успел ничего сказать, как Цю Син немедленно дважды ударила Ле-эра по голове и, подбоченившись, со злостью проговорила:

— Чем дальше, тем разнузданнее ты становишься. Даже над князем Мином посмел насмехаться? Берегись, я расскажу государю, пусть он тебя двести раз отхлещет плетью.

Прикрыв ладонью ушибленное место, Ле-эр от боли исказил лицо. Жун Ху поднялся и, сделав шаг вперёд, обратился к Фэн Мину:

— Ле-эр действительно заслуживает наказания, однако то, что государь вернулся, правда. Государь приказал нам идти сюда, а ответственность за все имеющиеся дела передал министру и, должно быть, скоро появится здесь.

Фэн Мина это только обрадовало.

Как только подали ужин, Жун Тянь тотчас же вошёл в комнату. Из-за того, что день выдался трудным, на лице мужчины был заметен оттенок усталости. Фэн Мин, понимая, что Жун Тянь сильно утомлён, неожиданно проявил тактичность, добавив для него в пиалу риса и зелени, а после ужина внезапно лично приказал Цю Юэ и Цю Син:

— Помогите государю растереть ноги.

Жун Тянь, двусмысленно улыбаясь, лениво сказал:

— У них неумелые руки [2], так что если ты хочешь сделать мне приятно, то уж лучше сам помоги мне растереть ноги.

— Хорошо, я сам сделаю. — Фэн Мин неожиданно и впрямь засучил рукава платья.

Жун Тянь с преувеличенным потрясением посмотрел на юношу, который, покраснев от стыда, спросил:

— Чего смотришь?

Жун Тянь пробормотал:

— Неужели на князя Мина вновь кто-то напустил тайное заклинание, неожиданно сделав его таким ласковым? — Мужчина медленно окинул взором Фэн Мина и, пальцем поманив к себе, легко прошептал ему на ушко: — Если есть какие-то коварные планы, то не лишне сказать прямо.

Фэн Мин остолбенел и, скрежеща зубами, произнёс:

— Я заметил, что ты сегодня очень устал, и решил сделать тебе немного приятно. Ох, неужели подозреваешь, что у меня есть какие-то скрытые намерения? И в самом деле, стоит дважды побить тебя. — Его гневный взгляд встретился с глубоким и пронизательным взглядом Жун Тяня, и вскоре юноша, без войны потерпев поражение, опустил голову и хмуро сказал: — Я думаю... пока не решится вопрос с подосланным убийцей, ты не позволишь мне покидать дворец наследного принца.

— Верно.

Изящные брови Фэн Мина ещё сильнее нахмурились:

— Если не позволишь мне этого, то я могу с ума сойти от скуки. От безделья, боюсь, я могу заскучать и заболеть. Лучше уж... — Остановившись на полпути, юноша краем глаза взглянул на Жун Тяня.

— Лучше уж что?

— Нуу... — Фэн Мин проямлил, — требование, которое я хочу выдвинуть, похоже, несколько не будет учитывать общие интересы и сделает государственные дела слишком похожими на детские забавы...

— В конце концов, лучше уж что?

— Лучше уж...

Фэн Мин сначала хотел что-то сказать, но промолчал. По выражению лица юноши было понятно, чего он желал, но, боясь противиться Жун Тяню, соорудил огорчённую мордашку, вынуждая самого мужчину, который тайком дразнил его, отбросить все мысли и вздохнуть:

— Считаешь, что напугал меня, и думаешь, что я до сих пор не знаю, что у тебя на уме? Хорошо, начиная с сегодняшнего дня я буду заниматься делами государства здесь, поэтому нет нужды покидать дворец наследного принца, и этот князь Мин будет сопровождать меня, вкладывая в название «магическая тюрьма» истинный смысл; таким образом, тебе не будет скучно, и ты не заболеешь от тоски.

От этих слов Фэн Мин сразу же просиял, помимо своей воли крепко обнял Жун Тяня и, поцеловав его, воскликнул:

— Единственный человек в этом мире, знающий мои мысли, это ты! Небо, ты просто как червь в моём животе [3].

Жун Тянь, без стеснения получив поцелуй Фэн Мина, низким тоном проговорил:

— Я исполнил желание князя Мина, могу ли требовать вознаграждение?

Фэн Мин, конечно же, понимал, о каком вознаграждении говорит Жун Тянь, он сразу же покачал головой и, довольно прищурившись, рассмеялся:

— Ты являешься государем, где твои манеры, и почему по поводу и без требуешь у подданного вознаграждение?

— Ты прав, — мужчина кивнул и, словно изучая юношу, прищурился: — Хм, я — государь, а ты — министр. Министр немедленно должен повиноваться приказу государя...

Фэн Мин, побледнев от страха, крикнул:

— Ты пообещал, что в постели не будешь относиться ко мне как государь к министру.

Жун Тянь громко рассмеялся, непокорно схватил и взвалил Фэн Мина на плечо, а затем проговорил:

— К счастью, я тогда не обещал, что не буду так делать в купальне. — И широким шагом направился совершать водные процедуры.

Двое мужчин развлекались до глубокой ночи. К концу тяжело дыша, как мог Фэн Мин ещё спорить и заботиться о том, в купальне он или в постели? Так или иначе, юноша пришёл в себя, когда уже лежал под мягким одеялом, Жун Тяню же, наоборот, хотелось продолжить, он притянул к груди Фэн Мина и, подув ему в ушко, сказал:

— Я только сейчас вспомнил, что в прошлый раз я пообещал, что не буду относиться к тебе как государь к министру, но, кажется, у меня было одно условие.

Фэн Мин исподтишка состроил гримасу и сразу же сменил тему разговора:

— Да, кстати, уже сообщили, чтобы завтра все министры пришли на аудиенцию во дворец наследного принца? Иначе рано утром, добравшись до зала заседаний, они будут ждать, но ты будешь в это время сидеть во дворце наследного принца, а потом в Силэй станут об этом шутить.

— О всех делах тебе незачем беспокоиться. — Жун Тянь, похоже, что-то вспомнил: — Есть кое-что, о чём тебе следует знать. За последние дни появились два человека, с каждым из которых тебе нужно будет встретиться.

— Кто это?

— Они приехали в Силэй из разных стран, чтобы поучаствовать в празднике урожая, на самом же деле их цель — это взять займы еды. Только между ними есть некоторое различие: один из них действительно приехал одолжить еду, а другой — использует это как предлог.

Фэн Мин, не поняв услышанное, слегка ударил Жун Тяня локтём в живот, тем самым отбив у мужчины всякое желание интриговать.

Император Силэй от боли состроил горькую мину и покорно объяснил:

— Тот, который действительно хочет взять зерна займы, приехал из страны Дунфань. У них в этом году были наводнение и засуха, во многих местах голодающий народ разгромил принадлежащие знати зернохранилища, и этому человеку пришлось за тысячу вёрст приехать в Силэй, чтобы попросить у нас хлеба.

Фэн Мин, попавший из современного века в древнюю эпоху и прошедший сквозь множество ветров и инея [4], соображал достаточно быстро. Услышав эти слова, юноша спросил:

— Кому государь Дунфань приказал приехать сюда? Почему он требует встречи со мной?

Жун Тянь втайне расхваливал успешное развитие Фэн Мина, однако решил подшутить:

— Этого посланника Дунфань, который желает встретиться с тобой, зовут Лу Дань, он знаменитый красавец Дунфань. Более того, люди, которые встречались с ним, хвастались, говоря: если бы Лу Дань не был мужчиной, боюсь, Мэй Цзи уступила бы ему звание первой красавицы Поднебесной. Хоть слова несколько преувеличены, но этого достаточно, чтобы позволить нам вообразить, насколько красота Лу Дая изумительна.

Однако Фэн Мин не испытывал огромного интереса к красоте, лениво прикрывая рот, юноша зевнул, закрыл глаза и стал нести всякую чушь:

— Я понял. Ты, конечно же, боишься, что, увидев этого красавца, потеряешь контроль, поэтому берёшь меня с собой на встречу с Лу Данем и даёшь мне возможность в любой момент напомнить тебе, чтобы ты не сбивался с пути истинного, иначе добровольно отдашь ему всю еду Силэй? Ах, ты прикажи ему явиться на встречу с прикрытым лицом. Разве так не пойдёт?

— Что? — Жун Тянь не знал, то ли плакать, то ли смеяться, однако не стал возражать и, сменив тему разговора, продолжил: — Мы с Лу Данем ещё не встречались, однако другой особый гость, прибывший издалека, тем не менее наш старый друг, и я ручаюсь, ты никоим образом не догадаешься, кто он.

— Старый друг? — Жун Тянь вызвал интерес у Фэн Мина, который невольно открыл глаза и,

лѐжа в объятиях мужчины, в душе начал подробно перечислять всех знакомых ему людей. На самом деле за последние несколько лет у него появилось немало знакомых, к тому же многие относились к императорской знати. Кто же этот самый-самый, которого он не смог бы угадать? Мысли роем кружили в голове, а юноша по-прежнему не мог найти ни одной кандидатуры и скрытно посмотрел на Жун Тяня. Сложное выражение лица императора Силэй заставило в душе Фэн Мина что-то зашевелиться, и внезапно, словно поняв мужчину сердцем и умом, юноша сказал первое, что пришло в голову: — Мяо Гуан?

Жун Тянь вздрогнул и изумлѐнно посмотрел на Фэн Мина.

— Я не угадал?

— Тц-тц, — Жун Тянь медленно сжал плечи юноши и внимательно смерил его взглядом, на губах появилась лёгкая улыбка, а сам мужчина изумлѐнным тоном спросил: — Ты что, каждый раз после моих объятий становишься чуточку умнее? Неужели, когда ты расслаблен, твой мозг, наоборот, начинает работать быстрее? Или, может быть, в тот момент, когда я тебя обнимаю, мой ум передаѐтся... Эй!

Вдруг внезапно из опочивальни донѐсся глухой стук: очевидно, что-то тяжѐлое упало на пол, а сидевшие за дверью и несущие ночной караул Цю Син, Цю Юэ и Ле-эр от испуга вскочили со ступенек и уже было собирались двинуться с места, как внезапно кто-то прошептал:

— Не нужно поднимать шумиху, это князь Мин скинул государя с постели, не более. — После этого в комнату из пышно растущего сада заглянула половинка тела, которая вопреки ожиданиям принадлежала Жун Ху.

Цю Син и Цю Юэ посмотрели друг на друга, обмениваясь растерянными взглядами, а потом одновременно, округлив иссиня-чѐрные глаза, уставились на Жун Ху.

От их необычного взгляда юноше стало не по себе, и, кашлянув, он спросил:

— В чём дело?

— О, Небо! Кто бы мог подумать, он настолько дерзок, что осмелился подглядывать.

Стоящая с краю Цю Син, качая головой, вздохнула:

— Видимо, чем испорченнее честный человек, тем более он неизлечим [5].

Жун Хуну стало крайне неловко, краснея, он пропустил слова мимо ушей, сказав:

— Последние несколько дней ситуация стоит очень странная, я лишь специально принимаю

меры предосторожности, проверяя повсеместно... Кхм, я снова сзади обойду бамбуковую рощу. — Спешно развернувшись, юноша унёс ноги.

Всё это время наблюдавший Ле-эр в итоге не смог сдержаться и, глядя на силуэт старшего брата, рассмеялся, схватившись за живот.

Ранним утром следующего дня государь Силэй впервые ощутил боль в пояснице, на которую почти всегда жаловался князь Мин. Страстные движения вместе с размышлениями прошлой ночью позволили этой парочке уснуть, лишь когда солнце уже было на высоте трёх шестов [6]. К сожалению, задуманное невозможно было претворить в жизнь. Согласно докладу императора, сейчас заменой находящемуся без сознания императору Ли Жо Яню, похоже, стала самая властная женщина в этом мире, их старая знакомая — принцесса Мяо Гуан, которая уже сегодня должна была прибыть в столицу Силэй.

Эта принцесса, занимающая главенствующее положение в стране Ли, взяла с собой лишь несколько тысяч телохранителей. Зачем она осмелилась отправиться во владения императора Силэй, которого так ненавидела до мозга костей, к тому же под предлогом взять хлеба в займы, и, ни с чем не считаясь, просила его об аудиенции?

Примечания:

[1] Обр. в знач.: без лишних слов и пояснений.

[2] В оригинале фраза звучит как «неумелые руки и неуклюжие ноги», обр. в знач.: неловкий, неуклюжий.

[3] Обр.: понимающий человек.

[4] Обр. в знач.: трудности, горести жизни.

[5] В оригинале фраза звучит как «нет спасительного средства (лекарства)», обр.: неизлечимый, неисправимый.

[6] Обр. в знач.: солнце уже высоко, т.е. позднее утро.

<http://bllate.org/book/13377/1190112>